

26 АПР 1981

Уважаемая редакция! Недавно я вновь посмотрела художественный фильм «Калина красная», снова пережила радость встречи с В. М. Шукшиным. Его уже нет, а искусство его живет.

Знаю, что фильм снимался у нас в районе, но не знаю точно, в каких местах. Кто та женщина, которая в фильме сыграла мать Егора (говорят, она не актриса)? Хотелось бы через газету встретиться с теми людьми, которые участвовали в создании фильма, работали в то время вместе с Шукшиным...

А. КАСАТКИНА.

г. Белозерск.

Недавно на областном фестивале любительских фильмов, который проводился Вологодским отделением Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, был показан фильм «Воспоминания в октябре». Он посвящен памяти Василия Макаровича Шукшина и был снят в Белозерском районе — местах, связанных с картиной «Калина красная». Авторы конкурсного фильма — сольный киномолюбитель Юрий Половинкин и журналистка Нина Веселова. Рассказ Н. Веселовой о работе над лентой «Воспоминания в октябре» может послужить ответом на письмо А. Касаткиной.

КАЛИНА ГОРЬКАЯ

Василий Макарович Шукшин. Это имя дорого людям в любом конце нашей страны. С особой любовью произносят его в тех краях, где бывал этот удивительный человек — писатель и драматург, актер и режиссер. Вологжанам повезло: в Белозерском районе Шукшин снимал «Калину красную». И места эти теперь особые — памятные.

Мы взяли кинокамеру и отправились в Белозерск. Было это в октябре минувшего года — через шесть лет после смерти Шукшина, через семь лет после того, как он закончил снимать «Калину красную». Как всегда в октябре, горела на Руси калина, навеки теперь связанная с именем Шукшина. И первые кадры нашего фильма — это тяжелые гроздья ягод.

Когда-то давно запал Шукшину в сердце Белозерск — тихий и белокаменный. Пологая спина древнего городского вала. Вольный простор бескрайнего Белого озера. И он осуществил свою мечту — приехал на его берега снимать фильм. В доме с резными окнами, где до недавнего времени была гостиница, поселилась съемочная группа. Шукшин жил в квартире неподалеку — ему нужен был покой, ведь даже во время съемок он не забывал о литературе, и рабочий день его нередко заканчивался под утро... В задумчивых прогулках по Белозерску рождались у него и будущие эпизоды «Калины красной».

Помните, раскручивает Егор Прокудин в фильме карусель и мысленно разговаривает с Любей? К сожалению, нет больше той белозерской карусели, и в сквере на ее месте пусто. Да и набережную, по которой убежал Егор от преследования, не узнать теперь — почти вся она оделась в гранит. Потому мы сняли на пленку улицы и дома, мелькнувшие в шукшинском фильме, — завтра все здесь будет не так... А вот белокаменные торговые ряды припомнит каждый, кто придет в Белозерск. Возле одной из витрин Егор Прокудин произнес свою знаменитую фразу: «Ага. Красавец! Ну, шаркнули по душе!».

Шукшин объездил многие окрестные деревни и в грех из них вел потом съемки. Первая деревня — Орлово, на территории колхоза имени Ленина. На ее окраине — ферма, на ней, по фильму, работала Люба Байкалова. А в километре от этой фермы — поле, которое пахал Егор Прокудин. Мы постояли на том самом месте, где зеленую тишь семь лет назад разорвал «бандитский выстрел». И Егор упал на землю. Шукшин играл смерть. Люди часто играют со смертью. Она с ними — не играет...

В. М. Шукшин очень хотел, чтобы его «Калину» приняли, чтобы поняли, что речь идет в ней о важном, об общечеловеческом — о том, что жизнь одна, что добра в ней много, но и со злом разминуться нелегко; что все грехи, сотворенные по недомыслию, по случайности ли, непременно отзовутся на нашей судьбе. И зрительский суд решил: жить фильму!

Живет он вместе с памятью о его создателе и в другом конце Белозерья — в деревне Тимоново, что на территории колхоза «Строитель коммуниз-

ма». Мы беседовали там с Ольгой Матвеевной Кузнецовой, Марией Григорьевной Андреевой, Ольгой Леонтьевной Батулиной.

— Потом они пришли. Баушка, говорят, стань в кино! Я говорю: нет, не буду! — Давай! Давай! Не бойся! Нам что больше публики, то лучше. А тут выходит сам начальник, Василий Макарович. Больше говорите, когда мы идем, больше говорите!

Это воспоминания про съемки того эпизода, когда после освобождения Егор приезжает в деревню к Любе. Ясно, что появление его тут же обсудят местные сударушки. На их роль Шукшин выбрал наших собеседниц. Где это происходило? На остановке. Чтобы ее обозначить, специально построили автобусную будку.

ПО ВОЛОГОДСКИМ МЕСТАМ, СВЯЗАННЫМ С В. ШУКШИНЫМ

— Это о них теперь память осталась! — говорили женщины.

А вокруг деревенского клуба для съемок соорудили тогда веранду — получилась «Чайная», куда Люба приводила Егора для разговора. Помните, сидят они вдвоем? Сохранилась эта веранда. А вот и то место, где стоял столик.

— Они сели, а в этот момент девочка предложила им вина. Я еще и морсу налажала, сколько клюквы издержала! — смеются женщины. И в воспоминаниях их было столько искренности, столько детской радости.

— Они тут у меня жили. И мой дом в фильме был. А вишни цвели в тот момент, так дом что молоком обдернут был!

Имя Шукшина стало в Тимонове с того лета самым воспоминаемым. Перебывая друг друга, называли женщины фильмом с участием Василия Макаровича. А одна добавила с горечью:

— Еще говорили, что он будет «Раина» ставить. А вот у него смерть-то и подошла. Жалко его.

— Жалко! — подхватила другая. — Какой-то он... Вот не видал никого, а разговаривает, как век свой здесь жил.

Удивительно. Сколько противоречивых мнений бытует о Шукшине! Любят поговорить о его холодности, колючести, заносчивости, резкости. А не принимал ли он условия игры, которые ему предлагались? Вот он, безоружный, перед всеми теперь в своих записных книжках: «Я действительно берегу свою нежность. А как больше?». Мягкий и добрый был он среди деревенских жителей — не ждал ниоткуда подвоха, расслабился, сидел в перекуры со стариками на бревнышках, и они разговаривали с ним на равных. И это подтвердит вам каждый житель деревни Садовой.

Садовая — третья деревня в нашем путешествии, она в десятке километров от Белозерска. Узнать Садовую просто: поднимешься в горушку, станешь посреди деревни, и взгляд непременно отыщет вдаль белую церковь и притаившееся внизу озеро. Оно мало, как блюдецко, и уютно ле-

жит на его берегу. Жив тот мостик, с которого плюхнулся в воду опшаренный Егором брат Любы Байкаловой. Живы и баньки, показанные в «Калине».

В деревне Садовой был «дом Байкаловых». Помните? Рядом с ним еще поленица из светлых березовых дров. Она и теперь на том же месте, поленица. Дрова, понятно, другие.

— Вот у меня что есть, — хозяйка дома Феклиста Евгеньевна Молокова протирает старое зеркальце. — Василий Макарович брлся перед ним...

У старого жителя Садовой Василия Федоровича Голубева свои воспоминания:

— Я каждый день на пастбище находил, животноводом был. Шукшин пораз меня вечером спросил: сколь рано скот пойдет? Я говорю: вот во столько. Давай договоримся, говорит: нам интересно зашкот послушать — как скот мырчит. А в тот день, как на грех пошло, ничего не получилось!

— Не мычали?

— Не мырчали!

И столько вновь ожившего сожаления во взгляде старика, столько досады на коров: чуть кино не сорвали!

Прошло время, и наступил день премьеры. Первыми увидели «Калину красную» жители Белозерского района. Специальные автобусы были поданы жителям деревень, где велись съемки. Люди сидели в зрительном зале и узнавали свои дома, озера, бани и огороды. Но от этого история, рассказанная в фильме, не казалась им придуманной. Напротив, они поверили в ее жизненность целиком, и вот еще почему.

Есть в фильме эпизод, памятный всем: Егор везет Любу к одинокой старухе, Люба выслушивает ее горький рассказ о жизни — «восемнадцатый год одна... ни единого звука от сына...» — а потом он рыдает по-за деревней на траве: «Это же мать моя, Люба, мать!» — и молча взирает на его слезы белая разрушенная колокольня.

На роль матери Егора Прокудина Шукшин приглашал В. Марецкую, но актриса заболела, пришлось срочно искать замену. И замена нашлась... в деревне Садовой. Офимья Быстрова — так звали старушку, которая сыграла в «Калине». Не подозревая, зачем понадобилась ученым людям, она с болью и грустью поведала о своем горе. И документальная история ее жизни так точно легла в художественную ткань фильма, что не осталось и «рубцов» этого вживания. Так естественно ложится только правда к правде.

Умерла Офимья Быстрова. В центре деревни Садовой ее высокий дом, окруженный белыми стволами берез. Заросло крапивою крыльцо, слепы глазницы окон. А когда-то — помните? — светло и доверчиво смотрела она в кинокамеру, переходя от окна к окну... Похоронили Офимью возле церкви — возле той, где плакал когда-то Егор Прокудин. Мы постояли на этом скорбном месте на октябрьском ветру.

И нам вспомнился другой октябрь — когда хоронили Шукшина.

«Сибирь в осеннем золоте, в Москве — шум шин. В Москве, в Сибири, в Вологде. дрожит и рвется в проводе: — Шукшин... Шукшин...».

Это строки Ольги Фокиной.

И это лишь частица всенародного отклика на смерть Шукшина. 160 тысяч писем пришло в те дни только в «Комсомольскую правду». А сколько человек хотели бы, но не могли взяться за перо! Те, с кем встречались мы в Белозерском районе, думается, из их числа...

Мы мечтаем теперь показать свой фильм на Алтае, землякам Шукшина: в июне там будет проходить очередной Всероссийский фестиваль любительских фильмов.

А потом опять наступит октябрь, и опять зардеет на Руси калина. И снова потянет в те места, где бывал Шукшин. Потому что сердце никогда не смирился с утратой. Так не устранима ничем горькая горечь калины.

Н. ВЕСЕЛОВА.